

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА МАРКОВА. К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ (1900–1981)

© 2021 г. М. В. Марков

*Московский педагогический государственный университет
Малая Пироговская ул., 1/1, Москва, 119435, Россия
e-mail: markovsmail@gmail.com*

Поступила в редакцию 17.12.2020 г.
После доработки 05.02.2021 г.
Принята к публикации 16.02.2021 г.

DOI: 10.31857/S0006813621060089

27 ноября 2020 г. исполнилось 120 лет со дня рождения моего деда — известного ботаника Михаила Васильевича Маркова.

Желание написать мои воспоминания о Михаиле Васильевиче Маркове к 120-летию со дня его рождения побудило самолестное ощущение себя потомственным ботаником, стремление поделиться впечатлениями, еще живущими в моей памяти. Отчетливо осознавая неизбежность субъективизма в моей оценке пережитых вместе с Михаилом Васильевичем времен и событий, я полагаюсь все же и на достаточную объективность, когда опираюсь в своем рассказе на мнение о нем других людей, обладавших знаниями и опытом, подкрепляющими объективность, докторов биологических наук Б.М. Миркина, Ю.З. Кулагина., В.В. Туганаева, Т.А. Терехиной. Но в отличие от того что знали, знают и помнят другие люди, я имел возможность наблюдать деда и в семейной обстановке, и в качестве преподавателя, учителя, которого я мог видеть как в аудитории, так и в полевой экспедиционной работе и который во многом повлиял на мою собственную судьбу и деятельность.

Поскольку деятельность моего деда уже была по основным вехам очень основательно охарактеризована на страницах “Ботанического журнала” в статье, посвященной 60-летнему юбилею, его ученицей Натальей Михайловной Куликовой, мне представляется логичным затронуть моим сообщением период жизни Михаила Васильевича после 1960 года, т.е. с того момента, когда я и сам стал лучше понимать важность его научных ботанических достижений.

К 2000 году (к столетнему юбилею Михаила Васильевича Маркова) был приурочен выпуск 10 номера двуязычного журнала “Казань”, и его главный редактор, мой школьный друг и одноклассник Юрий Балашов, опубликовал под руб-

рикой “Два века Казанского университета” материал “Дорогие имена”: собственную статью и десять статей, подготовленных учениками и коллегами Михаила Васильевича и иллюстрированных любительскими, но хорошими фотографиями. Часть материалов из этих статей я привожу в настоящей статье.

Коммунистом Михаил Васильевич был (не будучи при этом воинствующим атеистом), весьма фанатичным. Единственный известный мне компромисс, на который решился дед, питая слабость к сладкому, а нам, внукам, эта слабость очень даже импонировала, это приготовление куличей и творожной массы, именуемой попросту пасхой, на вполне советский праздник 1 мая.

Но честно и бескомпромиссно писать во всех автобиографиях о том, что совсем непродолжительное время, но служил он в белой армии (ухаживал за ранеными в госпитале) надо было иметь определенную смелость — времена-то были, ой, какие непростые.

Блестящая школа, пройденная Михаилом Васильевичем в гимназии, которую он окончил с золотой медалью, дала ему исключительно хорошие по тем временам знания. Со временем он стал одним из ведущих геоботаников страны.

Но в эти же годы ботаническая наука становится ареной ожесточенной идеологической борьбы. Господствующим мировоззрением становится упрощенный ламаркизм, замаскированный дарвинизмом. Позже это направление получило название лысенкизм. Сколько биологов пострадало в это время! Это не только Н.И. Вавилов, А.Р. Жебрак, Г.Д. Карпеченко, Д.А. Сабинин, их единомышленники и сторонники, но и вся прогрессивная часть биологов.

Трудно пришлось таким принципиальным людям, как Михаил Васильевич, и он всеми сила-

ми старался уходить от открытой конфронтации, занимаясь проблемой взаимоотношения леса и степи в пределах Закамья Татарии. Но совсем уйти от горячих дискуссий было невозможно, и потому в работах М.В. Маркова мы находим осторожное несогласие с догматизмом Лысенко и его приверженцев. Последнее было лишь формой своеобразной самозащиты, в отличие от многих биологов-марксистов того времени Михаил Васильевич сохранил себя как подлинный ученый, и его совесть осталась незапятнанной.

Я сам родился в 1951 году в Башкирии – в городе Янауле, где мама и папа работали школьными учителями после окончания филфака Казанского университета. В двухмесячном возрасте вместе с родителями переехал в Казань, и там меня воспитывали, не отдавая в детский сад.

Ежегодно летом мы отдыхали на даче. Меня вывозили чаще всего либо на университетскую биостанцию, где проходили летнюю практику студенты биологи, либо на дачу, которую снимали, как правило, недалеко от биостанции. Поначалу ходили до биостанции от железнодорожной станции “Обсерватория” пешком, двигаясь вдоль облесенной “горы” – на деле надпойменной террасы Волги. Почти не помню старую Волгу до затопления. Только отдельные картинки-эпизоды, которые, как правило, связаны с рыбалкой – самым сильным моим увлечением с детства. Интерес к биологии, а точнее, к животным и растениям, которые меня окружали на даче, возник именно в раннем детстве как-то органично, сам собой, а уж потом, позже, развивался во многом благодаря отцу. Поначалу этот интерес подкреплялся красотой и необычностью окружавшей меня природы, а иногда и просто азартом. Как я уже говорил, с самых малых лет я был страстным рыболовом, унаследовав это отношение к рыбалке от отца, но – в еще большей степени – от деда. Дед из-за своей всегдашней занятости имел возможность рыбачить крайне редко, но проявлял на рыбалке высшую степень удовольствия. Иногда (еще реже) его увлеченность вознаграждалась. Однажды он поймал за глаз очень крупного карася. И хоть подшучивали потом над ним и объясняли, что карась-де просто хотел посмотреть, кто это там рыбачит, и потому попался случайно, дед встречал эти шутки с полнейшей невозмутимостью. Позднее, когда я вывозил деда на рыбалку, он уже не имел необходимой ловкости (отчасти из-за очень сильной близорукости), но имел обыкновение теоретизировать: “Рыбу надо подсечь, а потом плавно вываживать”. Тщетно я пытался доказать ему, что между этими двумя операциями нельзя допускать провисания лески – именно в этот момент уже подцепленные им рыбы обычно сходили, – совладать с его теоретиче-

скими познаниями не было шансов. Вне зависимости от результатов рыбалки на вопрос, какую он поймал рыбу, дед всегда настолько широко разводил руки, что обязательно отодвигал одной рукой задавшего вопрос собеседника. Полагая, что таким образом можно выработать у себя терпеливость, Михаил Васильевич никогда не разрезал веревок, связанных узлами, а терпеливо развязывал их и в воспитательных целях демонстрировал этот процесс мне.

В качестве регулярного домашнего развлечения у нас практиковалась стрельба по бумажным мишеням из пневматической винтовки, приобретенной еще в 50-е годы. Дед учил меня стрелять из положения лежа. Сам он, несмотря на плохое зрение, стрелял довольно хорошо. Учил меня дед и игре в шахматы, а в школьный период у нас даже проводился семейный турнир. Первое место обычно занимал отец, а второе дед. Думал он в процессе игры очень капитально, долго. Когда я начал играть немного посильнее и деду стало труднее со мной справиться, турниры прекратились. Бабушка, заметив, как краснеет от напряжения дед, обдумывающий свой очередной ход, запретила нам играть, из-за беспокойства за дедушкино здоровье.

У дедушки было двое братьев, и они часто приходили к нам со своими семьями. По таким случаям устраивали застолья, в ходе которых звучало много песен. Пели на голоса и с большим увлечением. Особенно часто, иногда под балалайку или гитару, звучали народные и старые студенческие песни, и тогда Михаил Васильевич солировал, а братья его, да и все остальные участники застолья, включая меня, ему подпевали. Позже выяснилось, что и в ботанических экспедициях, организованных моим дедом, пение тоже было абсолютно необходимым атрибутом.

Принимая во внимание мой интерес к биологии, немало сил отдал дед, развивая у меня способности к рисованию. Необходимость уметь рисовать, которую для биолога-ботаника считал неоспоримой, Михаил Васильевич внушал мне с детства, причем подразумевалось не только умение рисовать растения или иные биологические объекты – дома мы рисовали с ним по воскресеньям фрагменты интерьера нашей квартиры или натюрморты, работая либо карандашом, либо акварелью с натуры. Сам он рисовал для непрофессионала очень неплохо.

Впоследствии умение рисовать мне очень пригодилось, когда дед попросил меня подготовить иллюстрации к его учебнику агрофитоценологии. Для своего же учебника геоботаники, изданного в 1962 году, он все иллюстрации готовил сам. Вообще самостоятельность в проведении ботанических исследований, постановке экспериментов и изобретении для них нехитрых приспособлений,

а также обчете статистических параметров Михаил Васильевич придавал очень большое значение.

К биологии меня пытались приобщать, заставляя делать дома иллюстрированные доклады. В качестве темы обычно выбирались особенности жизни какого-либо животного — птицы, ящерицы и т.п., — которые надо было изложить, снабдив собственноручно приготовленными иллюстрациями. Но о растениях тогда не было и речи — дед в то время моим биологическим воспитанием не занимался совсем. Он только приложил старания к преобразованию восьмилетней школы, где я учился, в десятилетку, добившись введения для нашего класса биологической специализации с посещением ряда аудиторных занятий в Казанском университете и летней учебной практики на биологической станции.

Только при поступлении в университет дедушка проявил свойственную ему командную волю — в том, чтобы я пошел на зоологию и речи быть не могло, хотя, как водится у мальчишек, животные интересовали меня больше. Я довольно спокойно воспринял дедовский нажим на том этапе и, надо сказать, никогда потом не сожалел о выборе ботанической специализации.

Михаил Васильевич читал нашему курсу “Общую ботанику”, делал это, на мой взгляд, не слишком захватывающе, но сам увлекался, много рисовал на доске, хотя и не старался сильно адаптировать и таким образом популяризовать ботаническую науку. Он всегда приходил на занятия с коробочкой цветных мелков. Вслед за логичным и, подчас, изрядно эмоциональным изложением материала вся доска покрывалась разноцветными рисунками и схемами. И сложный, избыточный новыми терминами материал становился понятнее и оставался в памяти надолго.

На экзамене, который он принимал у меня публично в присутствии ребят из нашей группы, дедушка устроил мне настоящую экзекуцию, задал уйму вопросов, после чего спросил мнение почтенной публики (моих однокашников, сидящих и ждущих своей очереди отвечать) относительно заслуженной мною оценки.

Большой опыт геоботанических исследований и чтения курса “Общая геоботаника” на кафедре университета к началу 1950-х годов привел Михаила Васильевича к мысли о необходимости написания учебника. Владимир Николаевич Сукачев, с которым он вел активную переписку, горячо поддержал эту идею.

Из письма, датированного 25 ноября 1951 года.

“Как у Вас идет написание учебника по геоботанике? Зная Ваши прекрасные работы, я уверен, что Вы дадите нашей ботанической молодежи

очень хороший учебник, в котором имеется такая большая потребность. Очень желателен его скорейший выход в свет”.

Из письма, датированного 20 апреля 1959 г.

“Дорогой Михаил Васильевич! От всего сердца приветствую Вас с написанием “Общей геоботаники”! Конечно, я с удовольствием прочту Вашу рукопись. Поэтому, как только сможете, присылайте ее мне. Ввиду важности скорейшего выхода в свет Вашей книги я не задержу ее у себя и постараюсь ее быстро прочесть. План Вашей книги я считаю вполне правильным. Крепко жму Вашу руку и шлю наилучшие пожелания. Ваш В. Сукачев”.

Учебник (Учебное пособие для государственных университетов и пед. институтов СССР) “Общая геоботаника”, изданный в издательстве Высшая школа в 1962 году, Михаил Васильевич писал очень тщательно, если не сказать скрупулезно, работая над ним как дома (нам внукам запрещали шуметь, поясняя, что дедушка пишет учебник), так и в университете, что явствует из воспоминаний Б.М. Миркина — выпускника кафедры ботаники Казанского университета 1959 г.

“Несмотря на то, что Михаил Васильевич был руководителем моей дипломной работы, мне так и не довелось быть вместе с ним в экспедиции. Большую часть периода нашего обучения шеф отдал ректорату, где ежедневно прятался за табличкой: “Проректор по научной работе. Прием от...”.

Видели в это время Михаила Васильевича мы часто, но наши встречи были коротки. Мы фактически жили на кафедре и после занятий оставались допоздна: разбирали свои материалы, слушали музыку, устраивали чай... Ежедневно Михаил Васильевич совершал обход помещений кафедры и, войдя к нам, спрашивал: “Ну как?”, мы, переминяясь с ноги на ногу, сообщали: “Разбираем корневича по видам”. Ответ был стереотипным: “Валяйте, валяйте”, — и мы слышали затухающие энергичные шаги. Марков уходил в кабинет заведующего и допоздна писал свой учебник”.

По мнению Н.М. Куликовой, характерной чертой Михаила Васильевича было бескорыстие. Даже когда он подготовил рукопись учебника “Общая геоботаника”, на которую была затрачена масса труда, да и потребовались немалые финансовые расходы, он отказался от гонорара — около пятнадцати тысяч рублей.

Две другие ученицы, А.С. Казанцева и Т.Н. Добрецова, пишут, что Михаил Васильевич был очень внимательным, добрым, отзывчивым и веселым человеком. Об этом знали все — и студенты, и его коллеги. Когда кому-то из студентов нужно было поехать на конференцию в другой город, а средств для этого не было, бухгалтерия и

тогда сэкономила на всем, Михаил Васильевич тут же выкладывал нужную сумму и с улыбкой желал начинающему ученому доброго пути и успехов. Пытаться возратить ему эти деньги было абсолютно бесполезно.

В экспедициях каждый член отряда получал полевое довольствие. Начальнику экспедиции полагалась самая солидная сумма. Михаил Васильевич никогда не брал эти деньги себе, все они расходовались на общие нужды экспедиции.

К Михаилу Васильевичу часто приезжали на консультации и стажировку ботаники из разных уголков нашей страны и из социалистических стран – Болгарии (Иван Николов Пенев), Германской демократической республики (Э. Манн) и др. В Польше учебник “Агрофитоценология” был переведен на польский язык и издан в Варшаве. Михаил Васильевич вел обширную переписку с отечественными и зарубежными ботаниками. И даже из той немногочисленной корреспонденции, которой мы располагаем, видно, какой вклад вносил он в развитие геоботаники как науки.

Михаил Васильевич обладал большим организаторским талантом. Он был постоянным членом оргкомитетов многочисленных Всесоюзных конференций, проводимых кафедрой, редактором и членом редколлегий местных и центральных изданий. Студенты и сотрудники университета знали его не только как заведующего кафедрой и отличного лектора, но и как декана, проректора по научной работе. И на этих постах Михаил Васильевич был строгим, принципиальным и требовательным руководителем.

Тесные творческие и человеческие контакты более полувека связывали Михаила Васильевича и Тихона Александровича Работнова. Из всей большой переписки достаточно привести выдержку только из одного письма, присланного Тихоном Александровичем к семидесятилетнему юбилею его коллеги М.В. Маркова.

“Дорогой Михаил Васильевич!

В Ваших работах содержался ценнейший фактический материал и в то же время много важных теоретических положений. Уже работы по изучению растительности Татарии и по изучению лугов обеспечили Вам видное место в Советской геоботанике. Однако Вы пошли дальше и за последнее десятилетие своими исследованиями и своей научно-организационной деятельностью содействовали развитию двух очень важных в теоретическом и прикладном отношении направлений – экспериментальной геоботаники и агрофитоценологии. Я был свидетелем как совещания, организованные Вами или организованные по Вашей инициативе, способствовали повыше-

нию Вашего авторитета, не только среди ботаников, но и среди агрономов. Для многих Вы стали учителем и постоянным консультантом.

Вы можете чувствовать себя счастливым, поскольку тот большой труд, который Вы вложили в научную, педагогическую и научно-организационную работу, дал превосходные результаты. Вы по праву занимаете одно из ведущих мест среди геоботаников СССР. Судя по тому, как Вы работали в последние годы, есть все основания надеяться на успех Вашей будущей деятельности.

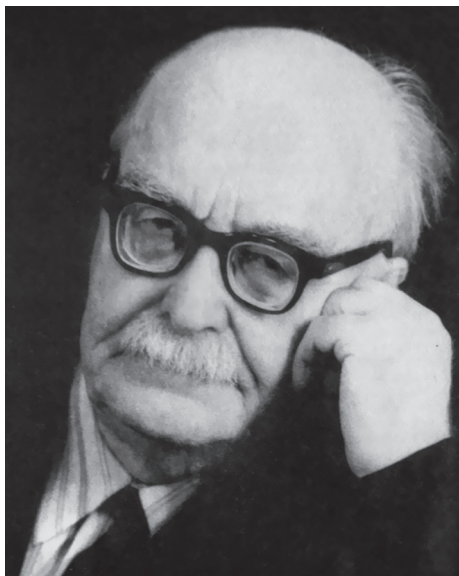
Я широко использую Ваши работы в курсах “геоботаника” и “луговедение”, которые я читаю в МГУ.

Приветствую Вас в связи с Вашим семидесятилетием, от всей души желаю Вам в течение долгих лет сохранить свойственные Вам энергию, энтузиазм и стремление развивать науку в связи с практикой. Желаю Вам новых больших успехов, здоровья, радостной жизни. Ваш Т. Работнов”.

Прекрасной школой специализации, судя по отзывам участников, были семинары Михаила Васильевича. Они проводились в форме дискуссий по самым актуальным вопросам геоботаники. На них мы не только входили в круг серьезных научных проблем, но и учились думать, отстаивать свою точку зрения. Очень точно атмосферу этих семинаров передает Б.М. Миркин, выпускник 1959 года, впоследствии доктор биологических наук, профессор Башкирского университета: “На спецсеминаре Марков заявлял: критикуйте меня! И мы критиковали. И он спорил на полном серьезе. Эта терпимость к инакомыслию, умение разделить научную дискуссию и личные отношения до сих пор вызывают у меня восхищение. Михаил Васильевич научил нас мыслить, искать, спорить и никогда не идти на сделку с совестью в научной дискуссии.

Как истинный педагог и воспитатель, Михаил Васильевич был глубоко убежден в силе личного примера. А личный пример он подавал во всем: будь то продумывание методики эксперимента, закладка опыта, обработка результатов исследований или экспедиционная работа. До 1970 года Михаил Васильевич – бессменный руководитель и душа всех экспедиций кафедры, экспедиций, в которых всегда царила деловая, дружеская атмосфера. Они были отличной школой для молодых исследователей. Ему было уже около семидесяти, а он продолжал ездить с экспедициями по полям. Иногда на открытой грузовой машине приходилось трястись по ухабам километров двести.

В таком случае, приезжая на место, ты только и думаешь, как хоть немного передохнуть. Но смотришь, – Михаил Васильевич вешает на плечо полевую сумку и уже шагает в сторону поля.

Михаил Васильевич Марков. 1980 г.
Mikhail Vasilyevich Markov. 1980.

Во время моей студенческой летней практики на биостанции Михаил Васильевич сильно интересовался, как углубляются мои знания местной флоры, но всегда охотно помогал, называя растения, о которых я его спрашивал. Не могу забыть, с какой нежностью в голосе он назвал мне принесенное мною крохотное растение из лютиковых — мышехвостник маленький. Поднеся его буквально к своему носу по причине очень сильной близорукости (минус 12), дед выдал название по латыни — *Myosurus minimus*. В его голосе и интонации звучала такая неподдельная любовь к растению, что это поразило меня до глубины души. С того момента я знал, как можно отличить настоящего ботаника от человека, занимающегося ботаникой из конъюнктурных соображений, ради карьеры. И, может быть, именно с этого момента у меня у самого окреп интерес к однолетним растениям, плодоносящим иногда даже при самых миниатюрных размерах, способных вызвать умиление.

В качестве объекта для моей научной студенческой работы он сначала дал мне ярутку полевую — растение с относительно крупными семенами, с которыми я в основном и проводил опыты. Именно от дедушки впервые я узнал о необходимости статистической обработки данных и от него получил первые наставления по применению статистики. Доводилось считать и на счетах, и на арифмометре, но считать обязательно, чтобы ощутить всю сладость достоверности выявленных подчас различий. Позднее яруткой дед стал заниматься сам, а мне предложил изучать пастушью сумку. Проводимые в то время агрофитоценологические экспедиции — маршрутные об-

Михаил Васильевич в экспедиции со студентами.
1971 г.
Mikhail Vasilyevich on an expedition with students. 1971.

следования территории республики — давали некоторый материал по этому виду. В экспедициях дед был предельно аскетичен и суров, создавая подчас ненужные сложности с целью их “успешного преодоления”. Помню, как в экспедициях все время страшно хотелось есть — полупоходной пищи, которую нам варили нанятые хозяйки в деревнях, явно не хватало “испорченному цивилизованной домашней пищей” юношескому организму. Деду до этого решительно не было никакого дела. Помню, бабушка, в основном поддерживавшая деду в его аскетизме, в одной из таких экспедиций почувствовала ко мне жалость и сводила в сельскую столовую. Первым, кого мы увидели с ней в столовой, был наш шофер, тайком пробравшийся туда, чтобы второй раз за день пообедать.

После окончания университета я по настоянию деду поступил в целевую аспирантуру в Московский университет на кафедру геоботаники под руководством Т.А. Работнова. Там мне очень приятно было узнать, с каким глубоким уважением относятся многие известные ботаники к моему деду. Я даже испытывал известную неловкость из-за того, что к оценке моих научных достижений стали относиться по особой мерке, отталкиваясь от дедовского стандарта. Открытку из ВАКа о присуждении мне степени кандидата биологических наук я получил из рук деду.

В экспедиции, которые были организованы как в научных, так и в учебных целях, Михаил Васильевич ездил регулярно до 70-летнего возраста. Он настолько вовлек меня в этот процесс, что и я до сих пор, в свои неполные 70 лет, ежегодно осуществляю экспедиционную ботаническую дея-

тельность и, побывав во многих регионах России от Полярно-альпийского ботанического сада до Камчатки, пока не вижу повода от нее отказываться.

Никогда я не слышал от деда жесткой критики в адрес кого-либо из ботаников. К своей роли одного из основателей агрофитоценологии он относился очень спокойно, никогда ее не переоценивал, да и не считал главным своим достижением.

Именно поэтому я с большим недоумением отношусь к запоздалым “резковатым с удальцей” выпадам ряда фитоценологов в адрес агрофитоценологов школы “Камышева–Маркова–Часовенной”. Даже если принять весьма скромную роль моего дедушки в развитии ботанической науки, прекрасным примером настоящего ученого, беззаветно преданного ботанике, он для меня, да и для всех, кто его знал, быть не перестанет.

TOUCHES TO THE PORTRAIT OF MIKHAIL VASILYEVICH MARKOV: TO THE 120th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH (1900–1981)

M. V. Markov

*Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya Str., 1/1, Moscow, 119435, Russia
e-mail: markovsmail@gmail.com*